

СМЕШНЫЕ ДЕТЕКТИВЫ

Наталья Александрова

Место встречи
изменить
легко

Смешные детективы

Наталья Александрова

Место встречи изменить легко

«ЭКСМО»

2017

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Александрова Н. Н.

Место встречи изменить легко / Н. Н. Александрова — «Эксмо»,
2017 — (Смешные детективы)

ISBN 978-5-04-004081-0

Все для пенсии, долгожданной и любимой. Нужно хорошо выглядеть, чтобы тебя не отправили на заслуженный отдых раньше времени. Желательно прикупить домик в Ницце к тому моменту, когда все-таки отправят, – чтобы было где дышать свежим воздухом и копать на грядках. Правда, писательница Ирина Снегирева уверена, что лучшее занятие и до пенсионной черты, и после – читать криминальные романы, а бóльшим наслаждением, чем чтение, может быть только сочинение детективов. Увы, от очередного сюжета ей придется отвлечься – любимая подруга Катя, кажется, нажила врага в лице одного начальника, который как раз приготовил кейс со взяткой для высокопоставленного лица, отбывающего в Ниццу...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-004081-0

© Александрова Н. Н., 2017
© Эксмо, 2017

Наталья Николаевна Александрова

Место встречи изменить легко

© Александрова Н.Н., 2017

© Оформление. ООО «Издательство «Э», 2017

* * *

На широком, как летное поле аэродрома, письменном столе зазвонил телефон.

На этом столе громоздилось несколько телефонов, но именно этот старомодный массивный аппарат цвета слоновой кости был самым важным. Звонил он редко, и каждый такой звонок означал или серьезные неприятности, или шанс, подаренный благосклонной судьбой.

Лев Николаевич протянул руку и снял трубку.

Рука мелко дрожала.

Нужно собрать волю в кулак, не позволять себе распускаться. Этак руки будут потеть от волнения, а это уже совсем не годится. Рукопожатие человека его уровня должно быть сухим, твердым и холодным. Холодным, как сталь.

Еще не так давно, снимая трубку с этого аппарата, Лев Николаевич вставал. Он долго не мог приучить себя разговаривать с начальством сидя. Даже когда начальство никак не может его видеть. Но в последние дни судьбоносные звонки следовали один за другим, и он привык относиться к ним более сдержанно.

– Слушаю, – проговорил Лев Николаевич, прижав трубку к уху.

– Материалы подготовлены? – поинтересовался бесцветный голос, искаженный устройством засекречивания.

– Готовы.

Лев Николаевич едва не назвал собеседника по имени, но вовремя прикусил язык.

– Передашь их сегодня моему человеку.

На том конце трубки назвали место встречи.

Лев Николаевич замялся, и бесцветный голос с едва различимой усмешкой проговорил:

– Не беспокойся, Лева, наши договоренности в силе. Как только документы поступят по назначению – тебя переведут в Москву, место для тебя уже готово.

Лев Николаевич едва не выпалил: «Рад стараться». Правда, его радость подпортила насмешливо-покровительственная интонация собеседника. И еще то, что тот назвал его по имени. Конечно, вычислить человека по номеру телефона ничего не стоит, но все же есть какие-то правила – как вести такие разговоры. Он-то не назвал того, с кем говорил, по имени-отчеству! Тем самым этот человек еще раз указал ему место, подчеркнул дистанцию между ними.

Из трубки давно доносились гудки отбоя.

Лев Николаевич взглянул на нее с некоторой неприязнью и положил на место.

Ладно, мы еще посмотрим, кто будет смеяться последним. Главное – попасть в Москву, а уж там он развернется.

Он встал из-за стола, открыл сейф, вынул новенький кейс с массивными металлическими замками. Поставил кейс на стол и огляделся, словно уже прощался со своим кабинетом.

Еще недавно этот кабинет казался ему пределом мечтаний, венцом карьеры. Этот просторный стол, красивая вымуштрованная секретарша, огромный ковер с мягким зеленым ворсом, многочисленные телефоны... Именно числом телефонов на столе определяется уровень начальника!

Только добившись этого места, он понял, как малы, как ничтожны его возможности. Настоящая власть, настоящее влияние, настоящие деньги и вообще настоящая жизнь – только там, в Москве. И ради того, чтобы попасть туда, он готов был на любой риск. Да что там – на любую подлость и даже любое преступление.

Ведь надо признаться перед самим собой: то, что он сейчас делает, – очень рискованно.

«Материалы», – надо же! Он хмыкнул. Никакие не материалы, а обычная взятка. Ладно, не совсем обычная, деньги, конечно, большие – триста тысяч долларов. Хотя для Москвы это не так чтобы много.

Все дело в том, что человек, для которого предназначены деньги, очень уж на виду, да еще сейчас у него неприятности. Там, в Москве, все время какая-то чехарда – то министров сажают, то прокуроров меняют... Откладывать такое дело нельзя, нужно действовать сейчас, пока этот человек что-то может. Кто знает, каким будет его преемник.

Так что если сейчас станет известно о взятке, ему, Льву Николаевичу, не видать не то что Москвы, но даже этого кабинета. Да какой там кабинет! Ему останется разве что собирать бутылки по помойкам – хотя, говорят, и там конкуренция.

На лбу у него выступила испарина.

Лев Николаевич достал из кармана белоснежный платок, промокнул лоб и взялся за ручку кейса.

И в это время ожило переговорное устройство на его огромном столе.

– Лев Николаевич, – низким интимным голосом проговорила секретарша Виктория, – к вам Антон Сергеевич!

– Черт, – прошипел Лев Николаевич. Не могла сказать, что я ушел! Обычно она куда сообразительнее. Как не вовремя!.. Но что делать, придется принять, а то пойдут разговоры... – Пусть войдет! – громко сказал он, щелчком переключил интерком и поспешно переставил кейс со стола на пол, сбоку от своего удобного кресла.

Дверь кабинета открылась на четверть, и в щель деликатно проскользнул крупный светловолосый мужчина с преданно-выпученными рыбьими глазами. В руке он держал большой потертый портфель.

– Что у вас, Антон Сергеевич? – Лев Николаевич демонстративно взглянул на часы. – Меня ждут в мэрии.

– Это по поводу нового корпуса, – зачастил тот, еще больше выпучив глаза. – Вы хотели посмотреть чертежи, вы просили их подготовить... Я могу показать... – Недоговорив, он плюхнул портфель на дальний конец стола, расстегнул застежку и принялся вываливать уйму бумаг.

– Не сейчас. – Лев Николаевич поморщился: откровенная тупость подчиненного его раздражала. – Вы не поняли? Я же сказал: меня ждут в мэрии.

– Извините! – Подчиненный всплеснул руками, его шея побагровела, а глаза чуть не вылезли из орбит. – Извините, я сейчас! – Он принялся торопливо заталкивать бумаги обратно в портфель.

– Лев Николаевич, – раздался вдруг из интеркома взволнованный голос секретарши, – можно вас на секунду? Это очень важно!

– Что? – раздраженно спросил начальник. – В чем дело?

– Я не могу говорить. – Виктория перешла на свистящий шепот. – Но это очень важно!

– Черт! – Лев Николаевич покосился на спрятанный под столом кейс, потом на подчиненного, который трясущимися руками убирал в портфель чертежи, и в несколько шагов покинул кабинет.

Едва он вышел из кабинета, Антон Сергеевич словно переродился. Он выпрямился, стремительно обежал стол, вытащил из-под него кейс, вернулся на прежнее место. Из своего огромного портфеля он вынул второй кейс, точно такой же, как первый. Чемоданчик Льва Николаевича ловко запихнул в свой портфель, сверху завалил чертежами. Свой же кейс поставил на

место похищенного, у кресла начальника, метнулся к другому концу стола и снова с глупым видом принялся засовывать в портфель чертежи и листы документов.

– В чем дело? – Лев Николаевич вышел в предбанник и раздраженно уставился на секретаршу.

Та выразительно взглянула на дверь кабинета, из-за которой доносилось сосредоточенное пыхтение Антона Сергеевича.

Шеф пожал плечами и прикрыл дверь плотнее.

– Так в чем дело? – Он навис над секретаршей, как грозовая туча над утлым парусником, затерявшимся на просторах океана.

– Это как раз насчет Антона Сергеевича, – зашептала секретарша. – Еще вчера хотела вам сказать.

– Что такое? – раздраженно прошипел Лев Николаевич. – Сейчас не самый подходящий момент...

– Я вчера видела, как он садился в машину к Федору Михайловичу! – едва слышно выдохнула Виктория.

В другой день Лев Николаевич благосклонно выслушал бы такую информацию, более того, она бы его весьма заинтересовала. Еще бы – его непосредственный подчиненный, заместитель по хозяйственным вопросам, вступает в контакты с главным конкурентом! Здесь явно просматривается какая-то интрига.

Но сегодня у него были дела важнее, и Лев Николаевич, побагровев, рывкнул на секретаршу:

– Занимайся своими делами!

Он развернулся и хотел вернуться в кабинет, но Виктория внезапно разрыдалась. Она уронила лицо в ладони, узкие плечи затряслись. Сквозь бурные рыдания прорывались отдельные слова:

– Зачем же так!.. Я хотела как лучше... вы же просили меня сообщать... я старалась...

Женские слезы всегда действовали на Льва Николаевича удивительно сильно, тем более что Виктория была для него не совсем посторонней. Вздрагивающие плечи и беззащитный затылок вызвали в душе железного человека неожиданное движение. Он склонился над ней, погладил по узкой спине, достал из кармана платок. Секретарша подняла заплаканное лицо, взглянула на шефа полными слез глазами. Он вытер ее лицо своим платком и смягчившимся голосом проговорил:

– Не надо так, не надо, я погорячился. Это действительно важная информация, спасибо тебе. Если все будет хорошо, я возьму тебя с собой в Москву...

– Правда, Лев Николаевич? – Лицо секретарши посветлело, как небо после грозы.

– Правда, правда! – Он потрепал ее по щеке и вернулся в кабинет.

Антон как раз закончил убирать в портфель свои бумаги. Он взглянул на шефа глазами свежезамороженного минтая и забормотал:

– Извините, Лев Николаевич, я уже ухожу, меня уже нет... Уже ушел.

– Вон! – заорал шеф.

Антон как ветром сдуло.

Лев Николаевич выдохнул, мысленно сосчитал до десяти, взял кейс и покинул кабинет.

Секретарша проводила начальника преданным взглядом, но как только дверь за ним закрылась, лицо ее изменилось. Вместо трогательной беспомощности на нем проступили расчетливость и высокомерие. Виктория сняла трубку местного телефона и, услышав знакомый голос, проговорила:

– Антон Сергеевич? Как я справилась со своей ролью? Блестяще? Теперь очередь за вами!

Повесив трубку, она потянулась, как сытая кошка.

Все-таки мужчины удивительно примитивны, и вертеть ими не представляет никакого труда! Не один, так другой, не другой, так третий, но она непременно добьется своего!

Катя Дронова неторопливо шла по тротуару, наслаждаясь первым по-настоящему теплым днем. Апрель в этом году выдался холодным, до самой середины случались неожиданные снегопады, и только к двадцатому потеплело и подсох асфальт.

Навстречу ей двигался странный человек. Он размахивал руками и что-то бормотал. Катя попыталась обойти его, но странный тип заступил ей дорогу и громко забубнил, как закипающий чайник.

– Не понимаю.

Доброжелательная Катерина честно пыталась вслушаться в это бормотание и даже понять, на каком языке он говорит. Не английский точно, не французский – да нет, просто бессмыслица какая-то!

Незнакомец еще активнее замахал руками, выпучил глаза, возмущаясь Катиной непонятливостью, ухватил ее за руку и попытался ей что-то объяснить.

«Да он глухонемой! – догадалась наконец Катерина. – Или просто немой. Интересно, он по губам читать умеет?»

– Напишите на бумажке, что вам нужно, – предложила она и для верности изобразила рукой движения пишущего человека.

Незнакомец бурно обрадовался, закивал и забормотал еще непонятнее. Потом он вдруг показал пальцем на что-то у Кати за спиной.

Она оглянулась.

На большой скорости к ним приближался мотоциклист в черной кожаной куртке и блестящем, тоже черном шлеме, закрывающем всю голову, отчего его владелец казался похожим на взбесившегося инопланетянина.

Она хотела что-то спросить у глухонемого, но как раз в эту секунду мотоциклист промчался мимо них, сдернул с Катиного плеча сумку и умчался в светлую даль, напоследок издевательски рыкнув мотором.

– Ой! – вскрикнула Катерина. – Что же это творится? Прямо среди белого дня, почти в центре города...

Она повернулась к глухонемому, чтобы призвать его в свидетели происшествия, но того и след простыл.

Только теперь до нее дошло, что глухонемой наверняка был в сговоре с мотоциклистом и специально отвлекал Катю своим бормотанием. Да и никакой он не глухонемой, а самый обыкновенный жулик.

Она представила, как начнут стыдить ее подружки Жанна и Ирина, если рассказать им эту историю.

«Сколько раз тебе говорили – не носи сумку на плече, – заявит Ирина. – В городе полно всякой шпаны, которая только и смотрит, где что плохо лежит».

«И вообще ты вечно считаешь ворон! – непременно добавит Жанна. – В наше трудное время женщина должна быть собранной, как солдат перед боем, а ты расхаживаешь с таким видом, будто на лугу цветочки собираешь».

Нет, ни в коем случае нельзя им рассказывать о сегодняшнем происшествии. Не дождешься от них сочувствия, сплошные упреки и поучения. Подруги называется.

Стоило вспомнить Жанну, как Катерина охнула. У них ведь сегодня назначена встреча, они вместе собирались пойти на выставку в арт-кафе «У бездомной кошки». Причем до встречи оставалось совсем мало времени, а Катя отвлеклась, расслабилась на весеннем солнышке и обо всем забыла. А тут еще эта сумка! Нет, надо срочно звонить Жанке.

Неожиданно настроение у Кати поднялось. Она вспомнила, что, наученная горьким опытом, не положила мобильник в сумку, а повесила на шею и спрятала под одеждой. А еще на всякий пожарный пришила к любимой куртке болотного цвета потайной кармашек, в котором держала заначку на случай таких, как сегодня, неприятных происшествий.

Радуюсь своей предусмотрительности, Катя распахнула куртку, расстегнула верхние пуговицы блузки и полезла за декольте в поисках мобильного. Мимо как раз проходил невзрачный дядечка средних лет. Увидев Катину манипуляции, он испуганно моргнул, покраснел, как пожарная машина, и на всякий случай прибавил шаг.

Катерина проводила дядечку задумчивым взглядом, выловила наконец телефон и набрала Жанку. Руки тряслись от стресса, так что она долго не могла попасть в нужные кнопки.

Послышались гудки, и вот долгожданный раздраженный голос, правда, искаженный помехами.

– Это я, – робко проговорила Катя.

– Наконец-то! – хрюкнула трубка. – Сколько можно ждать!

– Да тут со мной... – начала было Катя, но прикусила язык: Жанка сразу примется воспитывать.

– Некогда, – отрезала та, – тебя давно уже ждут. Немедленно поезжай к «Стережущему»! Тебе передадут...

– Что передадут? К какому стережущему? – недоумевала Катерина, но трубка запищала и умолкла.

Катя уставилась на мобильник в недоумении. В самый неподходящий момент разрядилась батарейка.

Что такое ей только что сказала Жанна? Кто ее ждет? Что ей должны передать? И куда немедленно ехать? Ах да, к «Стережущему»!

Катерина сообразила, что подруга имела в виду памятник миноносцу «Стережущий», тот, что стоит в парке в начале Каменноостровского проспекта. Но почему именно там, когда кафе вовсе даже на площади Искусств?

Жанна торопила, сказала, что ехать нужно немедленно...

Из-за угла выехала маршрутка. Подходящий номер, идет как раз на Петроградскую сторону. Катя залезла в потайной кармашек и облегченно вздохнула: деньги есть, хотя бы на дорогу хватит. Она призывно замахала подъезжающей маршрутке и втиснулась на свободное сиденье.

«Если Жанна сказала, что нужно ехать к «Стережущему», – размышляла Катя, – то нужно ехать. С ней лучше не спорить».

Подруга – очень занятая и деловая женщина, нотариус, время у нее всегда расписано по минутам. Она хорошо зарабатывает и многое успевает: следить за собой, посещать фитнес-клуб и косметолога – иначе говоря, выглядеть ухоженной и довольной жизнью. Хотя нет, довольной жизнью выглядит как раз она, Катерина, а Жанка вечно всех критикует, поучает и воспитывает. Ее суждения бывают подчас излишне резки, так что Ирина, их третья подруга, не раз пыталась поставить Жанну на место. Но у Ирки это получается, а у нее, у Кати, нет. Не стоит и пытаться. Жанна, конечно, действует из самых лучших побуждений, она, говоря ее собственными словами, пытается как-то упорядочить Катерину бестолковую жизнь. Но, если уж на то пошло, Катя совсем не хочет что-то менять в своей жизни.

У нее есть все, что нужно человеку. Любимая работа – это раз. Катя – художник, занимается прикладным искусством – из кусочков ткани, кожи, меха, бисера и стекла она творит потрясающие панно! Да-да, именно так и было сказано в каталоге выставки в прошлом году. Выставка прошла с большим успехом, о Катином творчестве писали в газетах, даже один толстый журнал разразился приличной рецензией. Можно сказать, что Катя, как творческая личность, вполне состоялась.

У нее есть муж – это два. Нет, пожалуй, муж – это все-таки самое главное. Муж у Кати замечательный, очень умный и увлеченный человек, профессор. Он изучает африканские племена и много ездит по свету на разные конференции и симпозиумы. Ездил он и в Африку, но с тех пор, как провел там больше полутора лет, хотя собирался всего на три месяца, Катя его туда не пускает. А сейчас его пригласили на двухнедельный семинар в Копенгаген. Что ж, Дания – тихая страна, ничего там с профессором не случится.

Катя привычно смахнула слезу. Она плохо переносила разлуку с мужем.

Жанка, конечно, ехидно утверждает, что Катерина всех обманывает, что сама она только рада мужниным отлучкам, потому что тогда можно спокойно спать до полудня, а потом разложить свои цветные тряпочки и делать вид, что работаешь.

«Это неправда, – в который раз подумала Катя. – Просто семейная жизнь отнимает много времени. Не успеешь углубиться в творческий процесс, как оказывается, что нужно готовить обед. Или идти в магазин. Или делать уборку».

Вот Ирина ее понимает, она сама творческий человек, писательница. И очень хорошая, кстати. И было бы здорово пойти на выставку с ней, но Ирка категорически отказалась: заканчивает очередной роман, никуда не выходит. Так что пришлось идти с Жанной, а та зачем-то отправила ее к «Стережущему».

Тут Катя очнулась от раздумий и заметила, что тетка напротив очень неодобрительно на нее смотрит. Катя проследила за ее взглядом и заметила, что забыла застегнуть пуговицы на блузке. Теперь тетке – и не только ей – был виден розовый атласный бюстгалтер и мобильный телефон, который удобно лежал на груди: свисать ему было некуда.

«Если бы Жанка увидела этот лифчик, она убила бы меня на месте, – с грустью подумала Катя, застегивая пуговицы. – Я обещала выбросить его еще в позапрошлом году. Но что делать, если он такой удобный? В конце концов, личный комфорт – это главное».

Она повеселела и встретила осуждающий теткин взгляд независимой улыбкой. Тетка отвернулась первой.

Через десять минут Катя высадилась на Каменноостровском.

Серая скала с памятником одиноко возвышалась посреди сквера.

Катерина не сразу заметила маячившего у постамента мужчину.

Мужчина был незнакомый. Довольно солидный, хорошо одет. Серые виски, безгловое выражение лица. В руке, немного на отлете, он держал черный плоский чемоданчик и то и дело поглядывал на часы. Часы – даже отсюда было видно – у него массивные, на золотом браслете.

«Наверное, какой-нибудь Жанкин клиент, – подумала Катя. – Нет, что за привычка – поручать подругам собственные дела! Как будто у меня своих забот мало».

Увидев ее, мужчина шагнул навстречу и еще раз демонстративно взглянул на часы.

– Опаздываете! – сердито проговорил он, протягивая Кате чемоданчик. – Вы же знаете, как важен фактор времени!

– А что... – начала Катя.

Она хотела спросить, что ей теперь делать с чемоданчиком, но мужчина уже круто развернулся, в несколько шагов пересек сквер, сел в черную машину и укатил.

– Интересно, – проговорила Катя, растерянно оглядываясь по сторонам, – и что мне теперь делать?

Чемоданчик был довольно тяжелый.

Вдруг у нее под блузкой истерически зазвонил мобильник. Наверное, он немного отдохнул, собрался с силами и решил еще поработать.

Катерина вздохнула, привычным движением расстегнула блузку и вытащила телефон на свет божий.

– Где ты, интересно, шляешься? – раздался, как всегда недовольный, голос Жанны. – Небось вообще забыла, что мы с тобой сегодня договорились пойти на выставку!

– Вот это здорово! – Обычно незлобивая Катя задохнулась от возмущения. – Я езжу по твоим делам, а ты мне еще и выговариваешь?

– По моим делам? – удивленно переспросила Жанна. – По каким еще делам? Катька, ты вообще где находишься?

– Сейчас как раз у «Стерегающего», – обиженно выдохнула Катя. – Еще и этот твой клиент высказал недовольство: опоздала я, видите ли.

– Ты действительно всегда опаздываешь, – согласилась Жанна, но тут же переключилась на главное: – У какого еще стерегающего? Какой клиент? Катерина, у тебя что, температура?

– А что мне теперь делать с этим кейсом?

– Ничего не понимаю! – Жанна секунду помолчала и продолжила уже несколько тише: – Ты можешь объяснить, что происходит?

– Нет, это ты мне объясни, что происходит! – Катерина, наоборот, повысила голос. – Ты мне звонишь, то есть нет, я тебе звоню, и ты мне велишь срочно ехать к памятнику «Стерегающему»...

– На Петроградской?

– Ну да. А что, есть еще один памятник? Я приехала, здесь какой-то тип смотрит на часы, отдает мне кейс и уезжает. И после этого ты требуешь от меня объяснений?

– Катька, – проговорила Жанна после продолжительной паузы, – я тебя никуда не посылала.

– То есть как не посылала?

– Я с тобой не говорила по телефону, ты попала куда-то не туда. Катька, во что ты снова вляпалась?

– Но как же не говорила? – Катя растерянно огляделась. – Ты уверена?

– Абсолютно.

Обманчивое апрельское солнышко спряталось за тучу, и в сквере снова похолодало. Катя уставилась на чемоданчик.

– И что мне теперь делать? – прошептала она еле слышно. Уголки губ опустились, как у маски трагедии.

– Ты меня слышишь? – надрывалась в трубке Жанна.

– Нет, то есть да, – выдавила Катя.

– Неизвестно, что тебе подсунули! – горячилась Жанна. – Может, в этом кейсе наркотики! А может – бомба! Избавься от него как можно скорее!

– Да-да, конечно, – испуганно пискнула Катерина и оглянулась.

Неподалеку стоял угрюмый человек с граблями. Вместо того чтобы скрести газон, он очень подозрительно поглядывал на Катерину.

«Если поставить кейс около памятника и сбежать, – думала Катя, медленно отступая, – он наверняка подумает, что я террористка и собираюсь взорвать этого «Стерегающего». Догонит, вызовет полицию, и как я потом оправдаюсь? Вдруг в этом чемодане действительно бомба?»

Человек с граблями медленно двинулся в ее сторону.

«Нет, ну почему мне так не везет? – горько сокрушалась Катя, отступая. – Сначала сумку украли, теперь еще этот дурацкий кейс. Вот за что мне такие неприятности?»

Она отошла от памятника и пересекла сквер. На другой стороне Каменноостровского красовалась вывеска кафе. Решение пришло мгновенно: чашечка кофе и два-три пирожных – это то, что ей сейчас нужно, чтобы справиться со стрессом и заодно сообразить, что делать с несчастным кейсом.

Кафе было полупустым. Официантка, крупная блондинка бальзаковского возраста, оживленно разговаривала с кем-то по телефону.

– А он? – восклицала она грудным голосом. – А она? Ужас-ужас! А она? А он? Кошма-ар! Катерина уселась за угловой столик и поставила злополучный кейс рядом. Потом вытащила из потайного кармана заначку и пересчитала под столом. Подсчеты не то чтобы сильно порадовали, но и не разочаровали.

За стойкой бара стоял включенный телевизор, по которому шли городские новости.

– Поступила дополнительная информация об аварии в городском метрополитене, – тараторила молоденькая дикторша. – В результате повреждения рельсов приостановлено движение на Московско-Петроградской линии. Один поезд застрял на перегоне между станциями «Сенная площадь» и «Технологический институт». В нашей студии находится сотрудник управления метрополитена Иван Иванович Петровский...

Камера сместилась, показав мрачного мужчину с обвислыми щеками в темно-синем, хорошо отглаженном костюме.

– Иван Иванович, – прошептала дикторша, – что вы можете сообщить нашим зрителям по поводу этой аварии? Каковы ее причины? Когда будет восстановлено движение?

Представитель метрополитена нервно сглотнул, покосился на дикторшу и проговорил голосом старательного ученика, отвечающего хорошо выученный урок:

– По моим данным, авария уже устранена, движение будет восстановлено в ближайшее время. Жертв нет.

– А какова судьба пассажиров того поезда, который застрял на перегоне?

– По моим данным, – с той же заученной интонацией ответил сотрудник метрополитена, – пассажиры этого поезда в ближайшее время будут доставлены на станцию «Технологический институт». Пострадавших среди них тоже нет.

– Спасибо, Иван Иванович! – пропела дикторша жизнерадостным пионерским голосом. – А теперь новости из зоопарка! В семье жирафов снова прибавление...

Официантка с сожалением закончила волнующий разговор и подошла к посетительнице.

Неожиданно у Кати возникло неприятное чувство, которое бывает, когда кто-то смотрит в затылок.

Она обернулась.

За ее спиной находилось окно кафе, а за этим окном стоял очень странный человек. Он был весь какой-то потертый, помятый, обвислые, как у бульдога, щеки покрывала трехдневная щетина, но не это было самым неприятным в его внешности. Глаза незнакомца смотрели в разные стороны и даже с разным выражением, как будто это были два независимых и враждебных друг другу существа. Один глаз странного человека уставился на припаркованные неподалеку машины, а второй с неприязненным любопытством наблюдал за Катериной.

Заметив, что она повернулась, незнакомец криво усмехнулся и враскачку отошел от окна.

– Будем что-нибудь заказывать? – прервала Катины наблюдения официантка.

– Будем. – Катерина решительно потянулась к меню. – Пирожные у вас какие есть?

– Вам с кремом или диетические? – поинтересовалась официантка.

– А диетические – это как?

– Диетические – это диетические. На фруктозе и без крема.

Катя тяжело вздохнула. Диетические пирожные – это то же самое, что безалкогольная водка. Она решила, что подруги ничего не узнают, и заказала «наполеон».

Катерина не стремилась похудеть. Она искренне считала, что хорошего человека должно быть много, и не сомневалась, что большинство мужчин предпочитает полных женщин. Но вредные подруги постоянно пилили ее и призывали к здоровому образу жизни. Но как же тогда снимать стресс? Этого Катя решительно не понимала.

Через полчаса, когда она допила маленькую чашку кофе и прикончила третье пирожное, нет, кажется, четвертое, на душе у нее стало гораздо легче. Все сегодняшние неприятности

отступили. Жизнь снова была прекрасна и удивительна. Катерина расплатилась, поднялась и уверенной походкой направилась к дверям.

– Женщина! – окликнула ее официантка. – Вы свой чемоданчик забыли!

Катя помрачнела: она действительно напрочь забыла об этом чертовом чемоданчике.

С тяжелым вздохом она вернулась за кейсом и наконец покинула гостеприимное кафе.

На улице она первым делом увидела того потертого мужчину, который заглядывал в окно.

Он стоял перед соседней витриной обувного магазина, засунув руки в карманы потертого до невозможности плаща, и делал вид, что изучает женские босоножки со стразами.

«Наверняка маньяк, – с опаской подумала Катя. – Вылитый Чикатило. И явно поджидает меня».

Тут ее взгляд упал на уличные часы, и она вскрикнула: за кофе с пирожными она совсем забыла о Жанне и выставке.

Маньяк немедленно вылетел у нее из головы. Рассерженная Жанна страшнее любого Чикатило, а в том, что сейчас она накалена до предела, можно не сомневаться.

В это время на Каменноостровском показалась маршрутка. Катя радостно взвизгнула, замахала руками и бросилась ей наперерез. Боковым зрением она заметила какое-то движение справа по курсу, но не обратила на него внимания. Только подбегая к дверям, она увидела, что потертый тип бросил свое увлекательное занятие и устремился в том же направлении – то ли пытался остановить Катерину, то ли рассчитывал сесть в ту же маршрутку. Траектории Кати и незнакомца пересеклись.

Катерина попыталась притормозить, но увы – она набрала слишком большую скорость, да и избыточный вес сыграл свою роль. Закончилось все тем, что она налетела на мужчину и отбросила его с дороги, как скорый поезд отбрасывает пушинку. Незнакомец отлетел в сторону и забормотал что-то нечленораздельное. Катя не стала прислушиваться. Она нырнула в маршрутку и захлопнула за собой дверь.

– Поезжайте скорее, – заторопила она водителя, – этот тип меня преследует!

– Конечно, дорогая! – Водитель сорвал машину с места. – Только я его очень понимаю: такой красивый жэнщин – и один!

«Точно, худеть надо, – с грустью подумала Катя. – Скоро мне водители маршруток и ларечники проходу давать не будут».

Маршрутка переехала мост, миновала Летний сад, Инженерный замок и свернула направо.

– Остановитесь, пожалуйста, на следующем светофоре, – попросила Катя.

– Конечно, дорогая! – Водитель притормозил. – Телефончик дашь?

– Разбежался! – беззлобно отозвалась Катя и устремилась к цели своей поездки.

Арт-кафе «У бездомной кошки» занимало большой сводчатый подвал в самом что ни на есть историческом центре – в двух шагах от Большого зала филармонии, рядом с Русским музеем и тремя театрами. По причине такого удачного расположения выставки и вечера в этом подвальчике пользовались большой популярностью у художественной интеллигенции.

Обычно перед входом здесь толпились творческие личности, легко опознаваемые по кудлатым бородам и легкому беспорядку в одежде. Но сейчас у дверей и на ступеньках было совершенно пусто, если не считать той самой бездомной кошки, которая и дала имя этому популярному заведению. Да и кошка была какой-то странной – она стояла совершенно неподвижно, выгнув спину верблюдом и задрав облезлый хвост.

Присмотревшись, Катерина поняла, что кошка эта не живая, а отлита из бронзы.

Дверь «Бездомной кошки» была заперта. Открыли ее только после робкого Катиного стука.

– У нас сегодня спецмероприятие, – сказал широкоплечий молодой человек с оловянными глазами, неприязненно окинув Катерину взглядом с головы до ног.

– А я как раз туда! – обрадовалась она. – У меня и приглашение есть!

Металла в глазах молодого человека не убавилось. Вдобавок ко всему он теперь еще особенно недоверчиво косился на ее куртку. Катя поставила чемоданчик на землю и стала рыться в карманах. Вот ведь, подруги ее ругают за то, что вечно все таскает в карманах, но если бы приглашение сегодня было в сумке, его бы украли. И ключи. И мобильный телефон. А так все нужные вещи на месте.

Но для того, чтобы все помещалось в карманах, нужно иметь большие карманы. Они, конечно, отвисают, и вид у куртки такой неприглядный... Это говорила Ирина, а Жанна, которая всегда называет вещи своими именами, прямо заявляла, что у Катерины вид в этой куртке цвета болотной жижи, как у бомжихи. И что еще немного, и ей начнут подавать на бедность. В этой куртке, язвила Жанка, запросто можно встать в людном месте и тянуть: «Помогите, люди добрые, мы сами не ме-естные, хата сгорела-а!»

Катя хотела сегодня на встречу с Жанной надеть пальто и красивый шарф. Но отвлеклась, разбирая свои лоскутки, а когда спохватилась, времени на сборы уже не осталось. Пришлось натянуть что было под рукой.

Приглашение нашлось быстро. Молодому человеку пришлось посторониться, пропуская Катю. Лицом он, правда, так и не потеплел.

– Со мной еще подруга, она не приходила? – тараторила Катя, на ходу стягивая куртку. – Такая женщина яркая, экстравагантная...

– Как вы? – Молодой человек не удержался от сарказма.

– Что вы! – По простоте душевной Катя не расслышала никакого сарказма. – Гораздо интереснее!

– Ну-ну, – фыркнул парень и отвернулся. Прямо в этот момент Катя сбросила куртку ему на руки.

То есть ей показалось, что сбросила. Куртка свалилась на пол с оглушительным звоном – как уже говорилось, в карманах там были ключи и еще много нужных вещей. Катя с негодованием обернулась. Молодой человек стоял, опустив руки по швам, и смотрел на плакат, который извещал посетителей, что сегодня, двадцать третьего апреля, состоится открытие художественной выставки «Истинно материальное искусство».

– Хотя бы гардероб у вас есть? – упавшим голосом спросила она.

– Налево по коридору, – невозмутимо ответил молодой человек. Глаза его по-прежнему напоминали оловянные пуговицы.

Катя подхватила вещи и пошла по темному узкому коридору, который заканчивался тремя вешалками.

«Наверное, Жанка не дождалась меня и ушла, – печально думала она. – Теперь обиделась, наверняка будет ругаться. Внутри ее не пустил этот с оловянными глазами, приглашение-то у меня. Ох, как нехорошо получилось...»

Приглашение на открытие выставки Катерине буквально силой всучил Гриша Четверкин, ее старый, еще по Академии художеств приятель. Гриша позвонил накануне и долго упрашивал ее пойти вместо него.

– А сам-то? – слабо сопротивлялась Катерина.

– Да понимаешь, у меня халтура срочная, никак нельзя отказаться. А ты сходи, ознакомься. Там все прикладное, тебе как раз по теме. Опять же проветришься, а то небось все дома сидишь, нигде не бываешь.

– Это да, – согласилась Катя. – И муж как раз в командировке...

– Вот видишь, значит, время свободное есть! – заметно повеселел Гришка и поскорее отключился. Он пообещал, что попросит сына сегодня же вечером завезти Катерине приглашение и бросить в почтовый ящик.

Возле вешалок никого видно не было, и Катя отважилась вполголоса спросить:

– Есть здесь кто-нибудь? Ау-у!

Поскольку никто не появился, пришлось повторить громче. Только после третьего вопля явилась наконец тетка в синем сатиновом халате и взяла Катину куртку.

– Мероприятие скоро кончится, – бубнила она, обтирая губы и стряхивая крошки с халата, – а они все идут. Время же указано, а они будто читать не умеют...

– Еще чемоданчик, пожалуйста, возьмите, – униженно попросила Катя, – будьте так добры...

– Да вы что? – Тетка возмущенно засопела. – Где же это видано? Еще сопрет кто, а мне отвечай!

– Так одежду ведь тоже спереть могут! – возразила Катя.

– Эту? – Тетка так выразительно посмотрела на злосчастную куртку, что Катя решила, что выбросит ее сразу же по приходе домой – на радость Жанке. – Ладно, – неожиданно подобрела тетка и убрала кейс под вешалку. – Но в случае чего – с меня никакого спроса!

Катя сердечно поблагодарила и даже осмелилась помечтать, что кейс кто-нибудь украдет. Это было бы лучше всего – ей не надо будет думать, как от него избавиться!

Она прошла по длинному полутемному коридору, то здесь, то там натываясь на кошек. Кошки представляли собой часть постоянного оформления кафе, оправдывая его название. Были они самые разные – отлитые из бронзы и выкованные из железа, керамические, составленные из деталей детского конструктора и сшитые из лоскутков. Лоскутная кошка вызвала у Кати самый живой интерес: собственные высокохудожественные панно она творила из такого же материала.

Из темного угла сверкнули ярко-зеленые глаза. В первый момент Катя подумала, что это настоящая живая кошка, но, подойдя ближе, убедилась, что перед ней очередное изделие скульптора, который вместо глаз вставил две зеленые лампочки от старого радиоприемника.

Коридор закончился. Катя оказалась в первом из просторных подвалов, отданных под сегодняшнюю экспозицию.

Мероприятие было в самом разгаре. Это было видно по тому, что все присутствующие уже успели разбиться на группки по три-четыре человека и говорили теперь чрезвычайно громко, стараясь перекрыть друг друга. Большинство посетителей явно были чересчур оживлены: глаза у них блестели, как у той кошки в темном углу, жесты были слишком размашистыми, а мимика – по-цирковому утрированной.

Причину этого оживления Катя поняла, увидев чуть в стороне стол, на котором красовались несколько початых бутылок водки, одноразовые стаканчики и почти нетронутая тарелка с бутербродами.

Она вспомнила, как пару раз оказывалась на фуршетах за рубежом. Тамашная публика в два счета расправлялась с закусками, а выпивка, как правило, оставалась. Наши же вернисажные завсегдатаи быстро разделяются с выпивкой, а закуску могут оставить почти нетронутой. По этому поводу есть даже две популярные присказки: «Мы сюда не есть пришли» и «Когда заканчивается водка, закуска становится просто едой».

Вот и сегодня отношение к закуске было откровенно прохладным. Или это просто бутерброды оказались несвежими?

Помимо стола с бутылками и тарелками, в помещении имелись еще столы, столики и подставки, на которых, как в первый момент показалось Кате, тоже была разложена закуска. Правда, эта закуска была какой-то странной. И потом, ее было чересчур много.

Только внимательно приглядевшись, Катя сообразила, что то, что она приняла за закуску, на самом деле и было экспонатами. Экспонаты эти составляли три группы, выполненные в разной художественной манере.

Часть произведений была из овощей. Фигуры людей и животных рука мастера составила из вареных картофелин, крупных морковок и свежих огурцов. Попадались также отдельные помидоры и баклажаны.

Вторая группа экспонатов представляла собой изделия из хлеба. Несколько вполне реалистических скульптур из хлебного мякиша, замечательная композиция из круассанов и булочек для гамбургеров, абстрактная конструкция из бубликов и баранок. Особого Катиного внимания удостоился симпатичный крокодил из длинного батона с разинутой пастью и маленькими изюмными глазками.

Третья часть выставки являла миру произведения из сосисок, сарделек и копченой колбасы. Некоторые скульптуры показались Кате просто неприличными.

Она огляделась в поисках кого-нибудь из знакомых, с кем можно было бы обсудить увиденное, но ни одного знакомого лица не попало. Присутствующие делились на две категории: это были или художники с богемным видом, кудлатыми бородами, в драных свитерах и поношенных джинсах, или галерейщики в дорогих костюмах, с великосветскими манерами и стрижками от модных парикмахеров.

Наконец Катя заметила в дальнем углу знакомое лицо и двинулась к нему через толпу. Но не тут-то было. Дорогу ей перегородил бородатый тип с горящими глазами и крупной бородавкой на носу.

– Привет, подруга боевая! – воскликнул он нараспев и схватил Катю за локоть. – Как тебе наш славный труд?

– Вы участник, да? – догадалась Катерина, пытаясь высвободиться.

– Догадлива же ты, подруга! – пропел художник и еще крепче вцепился в круглый Катин локоть. – Леонтий Хвощ зовут меня!

Катя успела еще утром пробежать глазами программу выставки и сейчас вспомнила, что там действительно фигурировал некто Леонтий Хвощ. Его раздел был озаглавлен «Хлеб – всему голова».

– Это вы из хлебобулочных изделий свои произведения создаете? – спросила она и сделала движение локтем.

– Да, это так. Творю из хлеба искусство скорбное свое, – подтвердил Леонтий. – Хлеб – наше все! Лишь им мы живы! На нем культура вся стоит!

– А что это вы все стихами выражаетесь? – поинтересовалась Катя. – Это что, тоже составляющая вашего творческого метода?

– Стихами я не выражаюсь, – обиделся Хвощ. – Я по-простому говорю! Культура вышла из народа, она понятной быть должна! – Но тут же его лицо посветлело, обида исчезла, и он жизнерадостно предложил: – Давай с тобою выпьем водки, она ж из хлеба создана!

– Водки? – Катя поморщилась. – Я вообще-то водку не очень... Может быть, лучше шампанского?

– Предмет культуры буржуазной сие шампанское вино! – строго провозгласил Леонтий. При этом он выразительно поднял палец и выпустил Катину руку. Катерина не замедлила этим воспользоваться и вырвалась на свободу.

Юркнув в толпу, она тут же наткнулась на знакомого художника Севу Вострикова.

– Севка, привет! – обрадовалась она. – Ты сейчас в активной стадии?

Все знакомые Вострикова знали, что он попеременно находится то в запое, то в завязке. Запой сам Сева называл «периодами пассивного творчества» и утверждал, что эти периоды ему необходимы, чтобы накопить творческую энергию. Когда же запой прекращался, он создавал

свои энергичные и выразительные холсты, что сразу указывало на переход к «стадии активного творчества».

– В активной, в активной, – подтвердил Востриков. – В самой что ни на есть активной! – Он странно облизнулся и добавил: – Вовремя ты, Катерина, пришла. Сейчас как раз это, ППИ начнется.

– Что начнется? – не расслышала Катя.

– Тундра ты, Катерина, – усмехнулся Востриков, – таких элементарных вещей не знаешь. Все западные теоретики твердят, что мы живем в эпоху ППИ – показательного потребления искусства. Вот сейчас оно и начнется, причем в полный рост!

– Показное – что? – Катя захлопала длинными белесыми ресницами.

– Потребление искусства! – повторил Сева. – Этот, как его, преферанс. В смысле, перформанс. Я сегодня как раз пообедать не успел. – И он снова облизнулся.

– Перформанс? – заинтересовалась Катя. Это умное слово она знала. – А в чем он будет заключаться?

– Ты чего, мать, не знаешь? – уставился на нее Востриков. – Это ведь их главная творческая идея: искусство, значит, должно быть полностью употреблено. Чтобы, значит, его до конца понять, надобно его употребить. Или полностью усвоить. Поэтому они и творят из съедобных материалов. А то как же ты употребишь, допустим, гипсовую статую? Или холст? О бронзе и мраморе я уже не говорю. Тем более о металлических конструкциях, из которых некоторые создают свои, с позволения сказать, шедевры.

До Кати наконец начал доходить смысл Севкиных слов.

– Все эти произведения сейчас съедят, это ты хочешь сказать?

– А то! – Севка сделал шаг в сторону ближайшей колбасной композиции. – Мировая закуска! Я же говорю: пообедать сегодня толком не успел, так что я у них буду этот... Идеальный потребитель подлинного искусства!

– То-то никто из присутствующих бутербродами не интересуется!

– Ясное дело, все аппетит для перформанса берегут.

– А ты уверен, что это искусство свежее? – Катерина принялась. – Ладно овощи, хлеб тоже – самое большее зачерствеет. А колбаса и сосиски? Неизвестно, когда они эти шедевры создавали.

– Не дрейфь, Катерина, – отмахнулся Востриков. – Сегодня с утра и создавали, из самого свежего материала! У них с колбасной фабрикой постоянный договор!

– А как же быть с утверждением, что жизнь коротка, а искусство вечно?

– Устаревший подход! – поморщился Сева. – Подлинное искусство должно быть мимолетно и эфемерно. Долгим может быть только ощущение от его восприятия. Так сказать, послевкусие!

– Так от несвежих сосисок ощущение будет гораздо дольше, – не удержалась Катерина.

– А ведь ты права! – Идея Севке явно понравилась. – Надо мужикам эту мысль подкинуть. Свежая, так сказать, художественная мысль – творить из несвежих продуктов!

Один из участников выставки выступил вперед, прокашлялся и хорошо поставленным голосом объявил:

– А сейчас, господа, все мы станем участниками перформанса под названием «Коллективное потребление искусства». Прошу к столу, то есть к стенду!

Публика оживилась и бросилась к выставочным стендам. Вечно голодные художники умудрились оттеснить галеристов и первыми накупились на съедобные произведения.

Сева, забыв о Кате, тоже прорвался к столу с колбасно-сосисочной композицией и вонзил в нее желтоватые от никотина зубы.

Катю такое потребительское отношение к искусству изрядно шокировало, поэтому она предпочла остаться в стороне от перформанса. Да, она всегда отличалась отменным аппетитом,

но зрелище того, как оголодавшие художники с чавканьем и хрустом поедают произведения коллег, вызвало не самые приятные ощущения.

Она огляделась, заметила дверь с понятной каждому табличкой и скрылась за ней.

Туалет в «Бездомной кошке» соответствовал высокому художественному уровню заведения. Фаянсовый унитаз был установлен на постаменте, как трон, и расписан кошками, прячущимися среди густой травы и весенних цветов. Раковина была медной, со следами патины, говорящими о ее солидном возрасте. Над ней возвышался кран, тоже медный, старинный и очень неудобный, зато чрезвычайно стильный. Самым же замечательным предметом в этом помещении, безусловно, был глиняный ночной горшок, размерами напоминающий котел полковой кухни. Этим горшком мог воспользоваться по прямому назначению слон средней величины, однако строгая надпись по окружности предупреждала, что привилегия пользоваться горшком есть только у персонала.

Разумеется, было здесь и несколько кошек: пара скромных фарфоровых, одна побольше, вылепленная из грубой необожженной глины, и еще одна – из обрезков разноцветного ситца.

Катя так увлеклась изучением туалетного убранства, что не заметила, как пролетело чуть не полчаса. Только сейчас она спохватилась, что это заведение общественное и кто-нибудь наверняка дожидается снаружи, когда она наконец его освободит.

Она подошла к двери, дернула ручку.

Дверь не поддавалась.

– Ой! – негромко сказала Катя, обращаясь, по-видимому, к самой себе. – Как же это?

Замок непонятным образом защелкнулся, и злополучная дверь не открывалась.

Катя еще раз попробовала повернуть ручку, подергала защелку – все бесполезно. Туалет был закрыт намертво.

– Эй! – Катя прижалась к двери и негромко окликнула того, кто мог находиться по другую сторону. – Эй, есть здесь кто-нибудь? У меня дверь не открывается! Попробуйте снаружи!

Понятно, что, если дверь не открывается изнутри, снаружи она тем более не откроется. Но Катя еще надеялась, что человек по ту сторону сможет позвать кого-нибудь из обслуживающего персонала – того, кто справится со злополучным замком.

Но на призыв никто не откликнулся.

Из этого следовало, что или Катя звала на помощь недостаточно громко, или за дверью никого не было.

Катерина решила выбрать первый, более оптимистичный вариант и крикнула чуть громче:

– Эй, кто-нибудь!

Никто по-прежнему не отзывался.

Катерина закричала уже в полный голос, хотя и испытывала некоторую неловкость. Со стороны ее поведение, наверное, выглядело ужасно глупо.

Но и после этого из-за двери не донеслось ни звука.

«Права Жанка, – подумала Катя в порыве самокритики, – я действительно вечно попадаю в какие-то глупые истории!»

Тут она некстати вспомнила о странном чемоданчике. Настроения эта мысль не улучшила.

Катерина обошла место своего заключения. Теперь это помещение уже не казалось ей стильным и оригинальным: оно было тесным, полутемным и неудобным, а все медные и глиняные штучки не делали его уютнее.

Неужели все уже ушли, и ей придется провести здесь всю ночь? Эта мысль привела Катю в ужас.

Она уселась на краешек громадного глиняного горшка, подперла подбородок кулаком, как роденовский мыслитель, и горестно вздохнула.

Перспектива спать на холодном полу, выложенном креативной плиткой, ей совершенно не улыбалась. После такой ночи воспаление легких гарантировано. А самое главное – она вдруг безумно захотела есть.

Последнее, что было у нее во рту, – несколько пирожных, съеденных в кафе на Петроградской стороне. Пирожные, конечно, были очень вкусными, Катя даже облизнулась, вспомнив о них, но они были слишком маленькими, и самое главное – она съела их так давно! А впереди целая голодная ночь!..

Она с грустью вспомнила, как совсем недавно отказалась участвовать в «потреблении искусства». Как же она была легкомысленна! Надо было съесть хоть парочку произведений истинного искусства, что-нибудь такое колбасное или хотя бы булочного крокодила. Да и от овощной композиции, скажем прямо, она бы сейчас не отказалась.

Рот наполнился обильной слюной. Кажется, она готова съесть не только булочного крокодила, но и самого настоящего, живого и зубастого.

Она встала: вынужденное бездействие угнетало и удваивало муки голода.

Только сейчас Катя заметила, что под потолком, в самом углу туалета, имеется крошечное окошечко, проделанное на уровне тротуара. Она с трудом подтащила к этому отверстию огромный глиняный горшок, вскарабкалась на него и попыталась выглянуть. Как раз в это время мимо неторопливо шли двое – Кате удалось разглядеть мужские ботинки и изящные женские лодочки. Ботинки были нечищенные, что, конечно, говорило не в пользу их владельца, однако Катя не стала привередничать. Она постучала в стекло костяшками пальцев и крикнула сколько было сил:

– Эй! Помогите!

Парочка, увы, никак не отреагировала. Не прибавляя шагу, мужчина и женщина удалились в сторону канала Грибоедова.

Через несколько минут у окна появилась еще одна пара обуви – мужские полуботинки на удивительно толстой подошве. Скорее это была даже не подошва, а самая настоящая платформа. Хотя мужская обувь на платформе вышла из моды давным-давно, еще во времена Катиного розового детства.

«Наверное, этот мужчина совсем маленького роста, – подумала она. – И носит обувь на платформе, чтобы казаться выше».

Этот незнакомец был не только мал ростом, он еще и заметно прихрамывал. Однако Катю все эти недостатки нисколько не смущали – лишь бы пришел на помощь.

– Помогите! – завопила она что было сил. – Вытащите меня отсюда! Моя благодарность будет безграничной!

Однако ее благодарность снова никого не заинтересовала. Низкорослый незнакомец, безбожно прихрамывая, удалился.

– Да, хорошо строили дома до революции, – вздохнула Катя. – Звукоизоляция просто потрясающая!

Она еще какое-то время проторчала у окна, но больше никто в поле ее зрения не появился.

Стоять на глиняном горшке было неудобно и утомительно. Катерина тяжело вздохнула, слезла на пол и еще раз обошла свою одиночную камеру.

«Хоть санузел есть, – подумала она с горечью. – Впрочем, только санузел здесь и есть».

Она представила объявление в газете:

«Сдается однокомнатная квартира, состоящая из туалета. Других помещений не имеется».

Решив, что чувство юмора ей пока еще не изменило, а значит, все не так уж плохо, Катерина снова подошла к двери, собираясь еще раз, без большой надежды на успех, позвать на помощь.

Однако на этот раз, стоило ей взяться за дверную ручку, как дверь туалета с негромким скрипом отворилась.

Давно уже ни один звук не доставлял Кате такого удовольствия, как этот скрип несмазанной двери.

Раздумывать о столь непонятном поведении дверного замка она не стала.

Катя выскочила из заточения радостно, как птица из клетки, и устремилась в то помещение, где недавно проходил гастрономический перформанс.

Комната была пуста.

Вернисаж давно завершился, все экспонаты были безжалостно съедены.

Катя с сожалением огляделась и увидела на одном столе случайно уцелевшую фигурку из булочек и круассанов. Это был настоящий подарок судьбы! Она отбросила все недавние сомнения и вгрызлась в статуэтку.

Булочки оказались свежими.

Неожиданно из угла донесся странный звук – нечто среднее между скрипом несмазанного колеса и призывным кличем перелетных гусей. Катерина вздрогнула, но любопытство взяло верх над испугом, и она двинулась к источнику звука.

Приглядевшись, она увидела на полу под скамьей уютно свернувшуюся фигуру. При более внимательном ознакомлении становилось очевидным, что это не кто иной, как Сева Востриков. Сева спал под скамейкой, время от времени оглушительно всхрапывая.

«Видать, перешел в пассивную стадию, – сообразила Катерина. – Не выдержала ранимая душа художника такого эстетического потрясения, вот и запил по-черному».

В первый момент Катя думала вытащить Вострикова из-под скамейки и отправить домой на такси. В следующую минуту она трезво оценила свои силы, Севины внушительные габариты, а также скверный характер нынешней жены Вострикова, вспомнила кстати об отсутствии денег – и решила не связываться.

У выхода из «Бездомной кошки» Катя нос к носу столкнулась с давешней гардеробщицей. Тетка стояла, уперев руки в бока, и готова была испепелить ее взглядом.

– Я что, по-вашему, ночевать тут должна? – завопила она, как только Катя оказалась в зоне досягаемости. – Мне за это денег не платят! Мероприятие уже давно кончилось, а эти все не идут за своими вещами! Добро бы хоть вещи были стоящие, а то тьфу, смотреть противно!

С этими словами она швырнула на прилавок Катину многострадальную куртку.

– Лучше бы замок в сортире починили, чем на людей вопить, – буркнула Катя, натягивая куртку.

– И чемодан свой забирай! – Гардеробщица выставила чемоданчик. – А то потом скажешь, что Дарья Пална твое имущество прихватила. А он мне нужен, как кошке мотороллер!

– Спасибо, – пробормотала Катя и выкатилась за дверь.

Только здесь она перевела дыхание, застегнула наконец куртку (к вечеру стало довольно прохладно) и подумала, до чего противные тетки встречаются на свете.

И еще она подумала, что так и не смогла отделаться от злополучного чемодана.

Тут Катерина перевела на него глаза и оторопела.

Это был совсем не тот кейс, который ей всучил неизвестный у памятника «Стережущему». Тот был черный, из хорошей кожи, очень элегантный – под стать владельцу. Плюс ко всему он был довольно тяжелым.

Этот же оказался потертым, потрепанным жизнью дешевым кожзамовым чемоданчиком. Между прочим, значительно легче первого.

Катя расстроилась. Как она сразу не заметила подмену! Допустим, качество чемоданчика в полутьме подвала можно и не оценить, но уж вес!..

Она вернулась к двери «Бездомной кошки», подергала за ручку.

Дверь была заперта.

Постучала – без результата.

Конечно, совсем громко стучать Катя не решилась, представив, как набросится на нее злобная гардеробщица.

Она вздохнула и медленно побрела в сторону Невского проспекта.

Однако далеко уйти ей, видно, было не суждено.

Навстречу, слегка покачиваясь, двигался бородатый тип с горящими глазами. Приглядевшись, Катя рассмотрела крупную бородавку на носу и узнала героя сегодняшней выставки – мастера хлебных композиций Леонтия Хвоща.

Леонтий перегородил ей дорогу и радостно взвыл:

– Привет, случайная подруга! Тебя-то я и поджидал!

– Ты чего, Леня, перебрал? – миролюбиво проговорила Катя. – Какая я тебе подруга? Шел бы ты домой, тебя наверняка жена ждет не дождется. Знаешь, который час?

– Не говори мне о супруге, ее я видеть не хочу! Груба она и недостойна святого имени жены! – С этими словами Хвощ попытался ухватить Катю поперек талии. Это оказалось непросто, и, пока подвыпивший художник искал, где у нее талия, Катерина сумело ловко вывернуться. Леонтий Хвощ развел руками и проводил неверную разочарованным взглядом.

Катя прибавила шаг, свернула за угол. Впереди уже показались огни Невского проспекта, как вдруг из темной подворотни выскочили двое весьма подозрительных типов.

Они перегородили дорогу и с угрожающим видом принялись теснить Катю к подворотне.

Одного из них она сразу узнала: обвислые, как у бульдога, щеки, покрытые трехдневной щетиной, потертый плащ и глаза, глядящие в разные стороны: один на вас, а другой – в Арзамас. Никакого сомнения, это был тот самый тип, что караулил ее у кафе на Петроградской стороне.

Второй незнакомец был тощий, маленького роста и весь какой-то дерганный. Вдобавок ко всему он заметно прихрамывал.

– Ты, это, куда торопишься? – протянул небритый тип. Одним глазом он смотрел на Катю, а вторым – на памятник Пушкину в глубине сквера. – Ты, это, не торопись. Поговорить надо!

Катя решила, что обращается он все же к ней, а не к солнцу русской поэзии.

Тем более что, произнося эти слова, бандит попытался вцепиться Кате в плечо.

– Еще чего! – воскликнула Катерина, размахивая чемоданчиком и крутя головой в надежде позвать кого-то на помощь. – Не о чем нам разговаривать.

– Очень даже есть о чем! – выкрикнул второй злоумышленник. Он ухватился за чемоданчик и дернул его на себя.

Катя попыталась удержать злополучный кейс и на какое-то время выпустила из поля зрения разноглазого злодея. Тот воспользовался моментом и ударил ее по голове. От удара Катя потеряла равновесие и шлепнулась на асфальт, выпустив из рук чемоданчик. Перед ее глазами оказались ноги маленького грабителя, обутые в коричневые ботинки на невероятно толстой подошве, скорее даже на платформе. Те самые ботинки, которые она видела во время недавнего заточения в санузле «Бездомной кошки».

В ту же секунду она увидела еще одни ботинки, разбитые и давно не чищенные. Понять, что могло бы означать это странное совпадение, Катя не успела – ее отвлек разъяренный вопль, напоминающий рев раненого носорога:

– Вы что же, гады, совершили – вдвоем на женщину напасть? Меня, как видно, вы не знали, так вот узнаете сейчас!

Катя приподнялась на локте и увидела, как Леонтий Хвощ со вкусом отделяет грабителей. Не все удары достигали цели, но и тех, что попали, оказалось достаточно. Посрамленные бандиты быстро скрылись в подворотне под торжествующее улюлюканье Леонтия.

С видом триумфатора он помог Катерине подняться и проговорил, гордо выпятив грудь:

– Вся сила, видишь ты, от хлеба, кормилец наш, он наше все!

– Спасибо, Леня! – Сейчас Катя была абсолютно искренней.

К счастью, в результате неожиданного нападения она ничего себе не сломала и обошлась даже без серьезных ушибов. К потерям можно было отнести только пропажу чемоданчика, который грабители все-таки унесли. Впрочем, может быть, это и к лучшему. Катя сама давно хотела от него избавиться.

– Слушай, Ленечка, раз уж ты такой замечательный и благородный, может, ты мне еще такси поймаешь? – Катя просительно заглянула в глаза своему спасителю. – А то у меня сегодня сумку украли, и вообще такой тяжелый день выдался...

– Ужели я не понимаю скупую женскую слезу? – прочувствованно воскликнул Леонтий. – Машину я сейчас поймаю и враз до дома довезу!

– Ух ты, – восхитилась Катя, – уже и в рифму чешешь! Может, тебе из художников в поэты переквалифицироваться? У тебя это явно лучше получается!

Леонтию такая оценка явно не понравилась. Он надулся, но обещание исполнил – призывно замахал руками и совсем скоро остановил невзрачные бежевые «Жигули».

Катя плюхнулась на заднее сиденье и удовлетворенно вздохнула: тяжелый день, полный недоразумений, приключений и неприятностей, кажется, подходил к концу.

Леонтий устроился рядом и с обидой проговорил:

– Меня поэтом ты назвала, обидно это и смешно!

– Тебя обидеть не желала, мне это, правда, все равно! – Катя фыркнула: – Сама с тобой стихами заговорила! Наверное, это заразное, как грипп!

Она назвала водителю свой адрес и блаженно откинулась на спинку сиденья. На сегодня всем неприятностям конец. Сейчас она приедет домой, напьется чаю с печеньем и ляжет спать. Какое у нее дома печенье? Перед глазами поплыли полки супермаркета, где штабелями были уложены пачки печенья – песочного и слоеного, с маком и с корицей, с вареньем и с шоколадом, с орехами и с кокосовой стружкой, воздушного, из сбитых белков, а еще корзиночки с вареной сгущенкой... Катя сладостно вздохнула и погрузилась в легкую дрему.

Почему не пришла Жанна? Этот вопрос за всеми тревожными мыслями она так и не успела себе задать.

В самом деле – почему?

– Откуда этот бугай вывернул? – Дерганный коротышка потирал ушибленный бок. – Ты же говорил, что она пришла одна!

– Черт ее разберет! – отмахнулся разноглазый. – Ты же этих баб знаешь – пришла одна, ушла вдвоем, а бывает и наоборот... Хотя эта вроде и ушла одна. Главное – чемоданчик у нас, можем шефу рапортовать, что задание выполнено!

– Чемоданчик? – Низенький бандит подошел ближе к фонарю. – Что-то мне этот чемоданчик не нравится. Точно это тот самый?

– А какой же? – Разноглазый насторожился. – Я ее от самого места встречи пас, должен быть тот самый чемоданчик...

Во время потасовки с могучим художником кейсу тоже изрядно досталось. Один металлический замок начисто оторвался, второй едва держался.

Маленький грабитель попытался поправить замок, но тот внезапно отскочил. Крышка чемоданчика откинулась, и содержимое высыпалось на асфальт.

– Это еще что такое? – недоуменно протянул разноглазый. Лицо его вытянулось.

– А ты говоришь, задание выполнено, – вздохнул малорослый напарник.

На асфальте под худосочным светом фонаря громоздилась горка коричневатых неровных брусков. Это было самое настоящее хозяйственное мыло.

– Мыло, хозяйственное. Давненько я его не видел! И где его только люди берут? Видно, еще из старых запасов.

– Вот блин! – с глубоким чувством выдохнул разноглазый.
– Так что насчет рапорта шефу погорячился ты малость. Вряд ли ему мыло нужно.
– Надо снова эту бабу искать! – опомнился разноглазый. – Ты не видал, куда они с этим бугаем подались?

– Вроде машину пошли ловить.

– Но мыло это ты все-таки собери, предъявим шефу как вещественное доказательство.

Напарник покачал головой, но спорить не стал.

Злоумышленники вышли на улицу и огляделись.

На площади царила тишина, такая бывает только на море перед началом шторма или в бескрайней степи за минуту до урагана, когда вся природа замирает в ожидании неприятностей.

– Чего так тихо-то? – с испугом проговорил низкорослый. – Ни машин, ни людей – попрятались все, что ли?

– Да ладно тебе, – отмахнулся разноглазый. – Ночь, спят все.

Но через секунду и сам он почувствовал смутное беспокойство.

Еще через несколько секунд со стороны Невского донесся нарастающий гул.

– Это что такое? – дрожащим голосом протянул напарник. – Наводнение, что ли?

– Какое наводнение? Весна на дворе!

– Ох, – малорослый бандит попятился, – мать честная! Это же... сегодня же...

– Да что такое? Говори уже! – Разноглазый встряхнул мелкого. – Что такое сегодня?

– Сегодня же «Зенит» играл! – В ужасе выдохнул малорослый.

Но и без уточнений все уже было ясно.

Со стороны Невского показалась густая бело-голубая толпа, которая неслась, сметая все на своем пути.

Болельщики выкрикивали что-то нечленораздельное. Крики сливались в ровный угрожающий гул.

Из-за угла вывернула темная машина, но, увидев толпу, мгновенно сдала назад и скрылась.

– Бежать надо, – тоскливо выдохнул низкорослый. – Видишь, как орут, наверняка «Зенит» проиграл. В такой день им лучше не попадаться!

– Бежать? – Разноглазый завертел головой. – Поздно бежать!

Действительно, бело-голубая толпа надвигалась неотвратимо и стремительно, как горный поток. Через несколько секунд первые болельщики поравнялись с незадачливыми грабителями, а еще через секунду поток подхватил их, как две жалкие щепки, закрутил и потянул за собой.

Разноглазый был повыше и сумел удержаться на ногах, а его маленького напарника мгновенно смяли и затоптали.

Шторму, урагану, горному потоку, снежной лавине сопротивляться бесполезно.

Можно только расслабиться и отдаться на волю стихии, полагаясь на свое везение. Так и поступил разноглазый бандит, когда его захлестнул поток болельщиков. Вокруг него клубились перекошенные лица, бело-голубые шарфы и футболки. Он старался удержаться на ногах, и до поры до времени это удавалось.

Прошло несколько страшных минут, и наконец волна схлынула, выбросив его на тротуар неподалеку от Дома радио. Незадачливый грабитель перевел дыхание и огляделся.

Он, несомненно, был жив и даже обошелся без переломов и серьезных увечий. Правда, он потерял напарника, а вместе с ним – злополучный чемодан с доказательством собственной неудачи.

Иннокентий Крутилло нажал на кнопку звонка и прислушался к птичьей трели, доносящейся из квартиры. В свое время он долго подбирал звуковое решение для дверного звонка, пока не остановился на щебете малиновки красногрудой. Это выходило красиво, интеллигентно и патриотично. А поскольку Иннокентий был владельцем художественной галереи, красота, интеллигентность и патриотизм должны были сопутствовать ему во всем.

Он еще раз нажал на кнопку и только теперь вспомнил, что дверь ему никто не откроет. Сегодня утром от него ушла жена.

Она обещала уйти каждое утро, и Иннокентий привык к этим разговорам, как к первой чашке кофе, прогнозу погоды или утреннему душу. Эти утренние обещания даже оказывали на него такое же бодрящее, тонизирующее действие, как кофе и душ. Можно сказать, внушали несбыточные надежды. Иногда она даже уходила – с шумом, с криками, с хлопаньем дверью.

Но к вечеру неизменно возвращалась, потому что собственная мать, заслуженный работник здравоохранения Корделия Степановна, раздражала ее еще больше, чем муж. Выдержать ее больше одного дня жена Иннокентия не могла.

Но сегодня утром, уходя в очередной раз из дома, жена забрала с собой самое ценное. Точнее то, чем она больше всего дорожила, – медного толстопузого китайского божка.

Этого божка она холила, лелеяла, протирала специальной мягкой тряпочкой никак не меньше пяти раз на дню. Он стоял на самом видном месте – на тумбочке в спальне. Его подсунула жене лучшая подруга Ленка Известкина, крупный специалист по системе фэн-шуй. Известкина утверждала, что божок приносит в дом достаток и благополучие.

Жена поверила в чудодейственные свойства пузатого китайца и никогда с ним не расставалась. Если она взяла его с собой, значит, на этот раз ее намерения действительно серьезны.

Иннокентий этого божка не переносил, так что когда жена уложила его в дорожную сумку, испытал неизъяснимую радость.

Неизвестно, правда, чему он радовался больше – освобождению от опротивевшей статуэтки или окончательному уходу жены. В любом случае и то и другое было замечательно.

Крутилло достал ключи из кармана и открыл дверь.

Это получилось не с первого раза, поскольку на сегодняшней выставке он несколько перебрал по случаю обретенной свободы. Когда замок наконец перестал сопротивляться, он ввалился в прихожую и плюхнул на пол свой чемоданчик.

Чемоданчик издал какой-то странный звук.

В этом чемоданчике находилась большая ценность – добытое с огромным трудом настоящее хозяйственное мыло.

Это мыло Иннокентий всеми доступными и недоступными способами разыскивал на необъятных просторах бывшего Советского Союза. Разыскивали его и все многочисленные знакомые Иннокентия. Крутилло убедил всех, что у него аллергия на современные моющие средства, шампуни и гели и он может пользоваться только этими серо-коричневыми пахучими брусками.

Все знакомые Иннокентия знали о его редкой потребности и покупали мыло всюду, куда заносила их творческая судьба: в сельпо отдаленных районов, в деревенских автолавках, в гарнизонных магазинах, на стойбищах оленеводов Крайнего Севера и в горных аулах.

Иннокентий был уверен, что никто из них не догадывается об истинной причине охоты за мылом.

Иннокентий Крутилло посылал мыло одной богатой немолодой американке, которая считала, что только благодаря такому мылу (она называла его ядровым) ей удастся сохранить здоровые волосы. Своими волосами эта дама очень дорожила.

Поскольку дама содержала в Сан-Франциско крупный художественный салон, а Иннокентий был связан с этим салоном постоянными деловыми контактами, он всеми доступными средствами пытался ей угодить.

И вот сегодня знакомый художник, вернувшийся из творческой поездки по деревням Тверской области, привез в дар Иннокентию двадцать кусков замечательного доперестроечного хозяйственного мыла.

Американка будет довольна.

Иннокентий включил яркий светильник, сделанный художником-умельцем из сломанной оглобли и тележного колеса, и еще раз покосился на чемоданчик с мылом.

Что-то с этим чемоданчиком было не так.

Утром, выходя из дому, Иннокентий прихватил старый потертый кейс – не хотелось, чтобы новый дорогой портфель пропах вонючим ядровым мылом. При ярком свете кейс блеснул потертыми боками и выдавал свой преклонный возраст. А сейчас он казался новеньким, будто только из магазина. Да и цвет несколько изменился...

Крутило наклонился, поднял чемоданчик.

Он явно был чересчур тяжелым.

Двадцать кусков мыла не весят столько.

Вот незадача! Спать он, конечно, перепутал чемоданы, и теперь придется разыскивать проклятое мыло по всему городу, он ведь уже пообещал его чертовой американке.

Он попытался открыть кейс, чтобы по содержимому установить владельца, но замки не поддавались. Надо же, и замки какие-то хитрые, с кодом и сложными металлическими штуками.

Ясно: такой приличный кейс может принадлежать только кому-то из коллег-галеристов, а не божественной братии. Те обычно ходят с кошмарными домоткаными торбами, а то и вовсе с солдатскими вещмешками времен Первой мировой.

Иннокентий махнул рукой и решил, что разберется с чемоданом на свежую голову. Утро, как известно, вечера мудренее.

Итак, на сегодня все.

Жанна любезно улыбнулась покидающему кабинет последнему клиенту и собрала со стола бумаги.

– Жанна Георгиевна! – В кабинет вбежала секретарша Людочка. – Там один тип очень просится. Говорит, срочно!

– Вы сказали ему, что я принимаю только по предварительной записи? – Жанна нахмурилась тщательно выщипанные брови.

– Да, конечно, но ему только подпись заверить! Это же быстро...

Краем глаза Жанна видела, что клиент уже бочком протиснулся в приемную, и сдержалась. Клиент всегда прав, это точно. А не права сейчас секретарша. Сказано: без записи нет приема, стало быть, должна отшивать посетителей. А эта девчонка все путает, бегаёт, суетится без толку... Ох, до чего трудно в наше время найти толкового секретаря!..

– Зови уж, – процедила она сквозь зубы и бросила взгляд на часы.

Минут десять у нее еще есть. Собраться для нее – минутное дело: закрыть кабинет, провести расческой по волосам и помадой – по губам. Больше ничего не нужно, она всегда находится в полной боевой готовности. Машина – вон она, стоит под окнами. Водит Жанна отлично, никакие пробки ей не страшны. Катерина в крайнем случае подождет пять минут, не рассыплется. Сколько Жанна в свое время ее дождалась!

Клиент, войдя в кабинет, не поздоровался, и это Жанне сразу не понравилось. Потом он полез в портфель, рассыпал бумаги, долго ползал по полу и поднялся весь красный от натуги.

– Присядьте! – бросила Жанна.

От ее недовольного тона клиент еще больше оробел и едва не сел мимо стула. Жанна углубилась в бумаги, стараясь не раздражаться. Время неумолимо бежало. Клиент, как она и ожидала, оказался полным тормозом – никак не мог сообразить, куда поставить подпись,

близоруко шурился, долго примеривался. Наконец с большим трудом он подписал все, что требовалось.

- Еще вот здесь, за бухгалтера, – сказала Жанна.
- Что, ее подписью? – ужаснулся клиент. – Это же уголовно наказуемо!
- Да не ее, а своей.

Жанна тихо закипала. Все сроки уже прошли, теперь она точно опоздает.

Недотепа наконец убрался из кабинета. Она быстро заперла сейф, проверила, не осталось ли на столе что-нибудь важное, и, пробегая мимо зеркала, бросила на себя взгляд. В зеркале отразилась растрепанная сердитая физиономия.

Нет, так не годится. Жанна заставила себя остановиться, пригладила волосы, слегка припудрила нос и щеки и подправила рисунок губ. Вот теперь вид в зеркале ее полностью устраивал: стройная, стильная, хорошо одетая женщина. Костюм сидел отлично – еще бы, фигура у нее, как у молодой девушки, можно позволить себе любой фасон и цвет.

Жанна усмехнулась: всем известна ее любовь к красному. Подруги часто подшучивают по этому поводу, но она-то твердо знает, что красный ей идет – делает еще ярче ее южную красоту, выгодно контрастирует с карими глазами и смуглой кожей. Мнение Катерины Жанну, в общем, мало интересует – Катька хоть и художник, но сама совершенно не умеет одеваться. А вот Ирина, конечно, не смеется в открытую, но всегда делает такое лицо, когда видит Жанну в красном...

Однако когда Ирка увидела этот костюм, ей было не до шуток. Жанна привезла его из Милана, и подруге оставалось только завистливо ахать.

- Боже, какой дивный оттенок!

Цвет был не красный и не кирпичный, а какой-то невыразимо благородный.

– Помпейский цвет, – авторитетно заявила Катерина, – уж мне вы можете поверить. Именно в такой цвет были выкрашены дома в Помпеях. До сих пор фрагменты этой окраски сохранились.

Подруги согласились легко: Катерина провела почти год в Европе, пропадала исключительно в музеях, отлично разбиралась во всякой замшелой античности, словом, не верить ей не было никаких причин.

Жанна спохватилась, что время дорого, а она вертится перед зеркалом, как школьница. Она накинула короткое летнее пальто, прихватила стильную сумочку и выбежала из кабинета. Вид, конечно, слишком шикарный для той сомнительной выставки, куда ее пригласила Катерина, публика в «Бездомной кошке» к такому не привыкла. Ну да ладно.

Жанна выскочила из подъезда и окаменела. Прямо перед носом ее новенькой красной «Ауди» стоял наглый синий «Ситроен». Сзади, как обычно, прочно утвердился на своем месте джип «Чероки». Жанна знала его хозяина, молодого мордатого парня, он всегда ставил здесь машину, они даже здоровались, встречаясь иногда. Но приبلудный «Ситроен» встал почти вплотную, потому что дальше были ворота, перед которыми стоять запрещалось. И вот пожалуйста – теперь у нее никакой возможности выехать!

Жанна мгновенно впала в ярость. «Ситроен» мог оставить только посетитель ресторана «Мальтийский сокол», который находился в соседнем здании. Да, у ресторана имелась своя стоянка, но, чтобы не заезжать во двор, некоторые клиенты оставляли иногда машины на улице. Но не так же близко, чтобы человеку не выехать!

Жанна топнула ногой и помчалась к дверям ресторана.

- Вечер добрый, Жанна Георгиевна! – раскланялся швейцар. – Никак к нам ужинать?

В свое время Жанна оформляла швейцару завещание на дачу, а его сыну – сделку по покупке квартиры.

- Кто тот козел, который поставил машину вплотную к моей? – прошипела она.

– Верно, эти, – швейцар махнул в сторону группы в дальнем конце полупустого зала, – хотя лучше с ними...

Но она уже бежала к дальнему столику, стуча каблуками.

За столиком сидели четверо. Будь Жанна немного спокойнее, она заметила бы, что позы у всех четверых напряженные, что на столе перед ними нет никакой еды, только вода в кувшине и бутылка пепси. Стало быть, пришли эти люди в ресторан не для ужина, а для серьезного мужского разговора. Но ярость застила Жанне глаза.

– Чей «Ситроен» стоит напротив? – завопила она.

– Мой. – Это сказал рыхлый рыжеватый мужчина прямо перед ней.

Жанна хотела разразиться отборной площадной бранью, но сделала усилие и сдержалась.

– Слушайте, что вы себе позволяете? – нервно заговорила она. – Мало того что вы поставили машину не на место, вы еще поставили ее так, что другим не выехать!

– Что надо? – вдруг спросил парень, сидевший сбоку.

От этого грубого голоса Жанна слегка опешила, но сразу собралась.

– Надо, чтобы вот этот тип убрал свою тачку с моей дороги! – резко ответила она и окинула взглядом всю компанию.

В центре, напротив прохода, сидел рыжеватый мужчина, рыхлый и бледный. По бокам его пристроились двое весьма утрашающего вида: парень с коротко стриженной головой, оттопыренными ушами и маленькими свинными глазками и мужчина постарше, наголо бритый, в приличном костюме, но отвратительном ярком галстуке. Четвертый человек сидел спиной, Жанне видны были только светлые волосы и красная шея над воротником рубашки.

– Простите! – встрепенулся рыхлый, поглядев в окно. – Кажется, я в самом деле загородил вам проезд.

– Наконец-то догадался, – процедила Жанна. – И? Долго мне ждать?

Рыхлый дернулся было встать, но тут же парень со свинными глазками положил ему руку на плечо.

– Сиди! – приказал он, и рыхлый сразу сник.

– Он сейчас не может, – усмехнулся бритый мужчина в ярком галстуке, – он очень занят.

– Да вы что? – Жанна задыхнулась от возмущения. – Да вы серьезно?

– Очень серьезно, – поддакнул бритый, – уж поверьте.

Резкая отповедь застыла на Жанниных губах. Она увидела сверху, как по красной шее сидевшего спиной человека течет струйка пота. Он пошевелился и наконец отодвинул свой стул, чтобы взглянуть на нее. Ничего особенного. Да, блондин, а к блондинам Жанна всегда питала некоторую слабость, но эта потная шея...

Нетвердой рукой этот страдалец налил воды из кувшина, жадно выпил полный стакан и проглотил, не поморщившись, кусочек лимона.

«Где я видела уже эту рожу?» – внезапно подумала Жанна, но тут же ярость отодвинула случайную мысль на задний план.

– Кто-нибудь из вас собирается все-таки убрать машину и дать мне выехать? – Она пошла в атаку с новой силой.

Коротко стриженный приподнялся, глазки его злобно блеснули. Жанна невольно сделала шаг назад и оглянулась на официанта. Тот скользнул глазами в сторону и скрылся на кухне.

– Уж придется вам, дамочка, немного подождать, пока мы разговор не закончим, – вроде бы мирно сказал бритый тип в ярком галстуке.

Жанна взглянула ему в глаза, и ей расхотелось спорить.

– Чтоб вы все провалились! – от души пожелала она и побежала между столиками.

Ждать никак нельзя. Придется брать машину, иначе Катька обидится.

Жанна обожгла взглядом ни в чем не повинного швейцара, проскочила в услужливо распахнутую дверь, перебежала улицу и встала на проезжей части, вытянув руку. Несколько

машин пронеслось мимо, и вот когда вдалеке показалось обычное такси, откуда ни возьмись появился мотоциклист, затянутый в черную кожу и в черном же шлеме. На полной скорости он промчался мимо Жанны и сорвал с ее плеча сумку.

В первый момент она не поняла, что случилось, а когда осознала, что дорогушая сумка фирмы Louis Vuitton пропала, а в ней – кошелек, мобильный телефон и ключи от квартиры, – мотоциклиста уже и след простыл, остался только легкий вихревой столб пыли. Такси, начавшее было притормаживать, газануло и умчалось: водителю не нужны лишние неприятности.

– Караул, – тихо сказала Жанна. Надо же у нее – у нее! – не было сил кричать.

Да и незачем теперь, все равно ничего не вернешь. Жаль сумку, жаль кошелек. Хотя наличных денег в нем немного, зато полно банковских и дисконтных карт. Ладно, с карточками она разберется быстро – нужно позвонить в банк, чтобы их аннулировали. Запасные ключи хранятся у нее в столе.

– Жанна Георгиевна, как же вы так неосторожно! – кинулся к ней охранник, который все видел через стеклянную дверь.

Он посмотрел на нее точно с таким выражением, с каким она, Жанна, смотрела на тетеху Катю, когда та в очередной раз признавалась, что потеряла кошелек или вырвали сумку в переходе метро. Этого Жанна не могла перенести. Она оттолкнула охранника, зарычала и метнулась к кабинету.

«Только бы никто не узнал!» – думала она.

Действительно, если подруги узнают, что ее ограбили, как обычную недалекую тетку, вот уж попляшут на ее косточках! Уж они припомнят, как издевалась и учила их жизни!

Жанна вдруг поняла, что сидит за письменным столом и бесцельно крутит ручку ящика в то время, а по щекам ее текут слезы. Она, непотопляемая Жанна Ташьян, сидит и ревет белугой!

Хрясь – ручка отломалась. Как ни странно, это помогло. Жанна сняла трубку, поговорила с банком, нашла запасные ключи от машины и от квартиры, тщательно припудрилась, чтобы охранник не заметил следы слез, и вышла.

Синего «Ситроена» не было. Жанна только скрипнула зубами. Но – о ужас – на боку ее новенькой «Ауди» красовалась вмятина, еще две царапины виднелись на капоте. Так и есть, этот козел поставил свою машину так близко, что не смог отъехать, не повредив чужую.

– Все, – зловеще сказала Жанна, – ты у меня попляшешь! Припомню я тебе завтра все свои неприятности! Узнаешь ты еще Жанну Ташьян! Надолго меня запомнишь!

Она была так зла, что не заметила швейцара из «Мальтийского сокола», который удивленно смотрел на нее со своего поста.

Жанна осторожно тронула машину с места и поехала домой, чтобы сменить замки, а то как бы шустрые воры не обнесли квартиру в ее отсутствие. О Катерине и выставке она совершенно забыла.

Обычно люди просыпаются по утрам в хорошем настроении. Это потом на них наваливаются проблемы и неприятности, и настроение постепенно уходит в минус. Утро же – это время здорового оптимизма, бодрости и светлого взгляда на вещи.

Жанна в этом смысле была личностью нетипичной. Она просыпалась мгновенно и сразу включалась на полную катушку.

Так и на этот раз – она оторвала голову от подушки и тут же закипела от возмущения.

Ей вспомнились вчерашняя история, хамское поведение мужика из ресторана, а самое главное – вмятина на левом крыле новенькой красной «Ауди».

– Ох, я ему устрою! – прошипела Жанна, вставая под горячие струи душа. – Он еще не знает, с кем связался!

Она повернула терморегулятор – вода стала ледяной, и дыхание на секунду зашлось. Зато бодрая боевая злость теперь разлилась по всему телу горячим потоком.

– В порошок сотру! – пообещала Жанна обидчику и набросила на плечи махровый халат.

После чашки крепчайшего кофе она взяла телефонную трубку и набрала номер знакомого полковника из ГИБДД.

Теперь голос ее был ласковым и журчащим, как у сытой кошки:

– Здравствуй, Севочка! Как живешь? Не скучал без меня? Обязательно! Непременно! Но сейчас не мог бы ты мне помочь? Нужно пробить по твоей базе одну машинку! Нет, что ты! – Она засмеялась низким хриловатым смехом. – Как ты мог такое подумать? Наоборот! Это какой-то хам! Представляешь: помял мою новую «Авочку» и смылся, как последний козел! Вот так бы и убила его на месте! Узнаешь? Спасибо тебе, дорогой! Ты же знаешь, за мной не заржавеет!

Она продиктовала полковнику номер вчерашней машины и занялась обычным утренним туалетом.

Через пятнадцать минут телефон зазвонил, и полковник Сева продиктовал адрес некоего Владимира Васильевича Цыплакова.

– Спасибо тебе, дорогой! – проворковала Жанна в трубку. Без всякого перехода она скрипнула зубами и проговорила голосом, полным ненависти: – И фамилия-то какая мерзкая! Ох, Владимир Васильевич, ты у меня попляшешь! Я покажу тебе небо в алмазах!

Отложив все прочие дела, она помчалась ловить своего обидчика.

Только подъезжая к дому, она вдруг поняла, почему адрес этого Цыплакова показался ей знакомым: он жил в соседнем доме с ее близкой старинной подругой Ириной Снегиревой, известной писательницей детективов. Ирина была третьей в их с Катькой неразлучной компании.

«Можно потом к Ирке заскочить, кофе выпить, – мимоходом подумала Жанна. – Все равно она дома сидит».

Хоть она и признавала тот очевидный факт, что Иринины книжки пользуются успехом, но никак не могла усвоить, что можно работать, сидя дома в старых джинсах, непричесанной и ненакрашенной. Квартира – это не офис, дома всегда можно прерваться, чтобы поболтать по телефону или побаловаться кофейком со случайно заскочившей подругой. Жанна прекрасно знала, что Ирина не любит, когда ей мешают работать, тем более сейчас у нее самая запарка, но, конечно, забыла обо всем под грузом собственных дел.

Она остановила машину у подъезда Цыплакова, выбралась наружу и огляделась.

Неподалеку на скамеечке чесали языками местные пенсионерки. Пользуясь первыми теплыми днями, они грелись на солнышке и обсуждали насущные вопросы современности. В данный момент, судя по их взглядам, они говорили именно о ней, о Жанне. О ее яркой южной внешности, еще подчеркнутой экстравагантным нарядом, о дорогой спортивной машине... Сегодня на Жанне были короткое малиновое пальто, которое она купила там же, в Милане, и малиновые замшевые сапожки.

Под прицельными взглядами пенсионерок Жанна прошествовала к подъезду, держа спину прямо и печатая шаг, как солдат почетного караула.

Она немного остыла и сообразила, что приехала зря. Вряд ли этот Цыплаков сейчас дома. Но повернуть на глазах у бдительных теток ей не позволила природная гордость.

Дверь подъезда была оснащена домофоном, но в тот самый момент, когда Жанна подошла и задумалась, что делать дальше, эта дверь распахнулась, и на пороге показался прилично одетый господин средних лет.

Окинув Жанну заинтересованным мужским взглядом, он пропустил ее вперед.

Жанна благосклонно улыбнулась и вошла в подъезд.

Лифт доставил ее на седьмой этаж. Теперь предстояло отыскать нужную квартиру.

В это время одна из четырех дверей распахнулась, и на площадку вышла толстая старуха с мопсом на поводке.

Мопс был такой же толстый и раздражительный, как хозяйка. Он задыхался и неприязненно оглядывался. При виде Жанны он громко чихнул и разразился истеричным лаем.

– Не волнуйся, Максюша! – Хозяйка покосилась на Жанну. – Пускают тут всяких...

Жанна фыркнула, расправила плечи и позвонила в квартиру Цыплакова.

Мопс залаял еще громче и сделал вид, будто собирается укусить Жанну за ногу.

– Но-но! – прикрикнула Жанна скорее не на него, а на хозяйку. – Статью двести четвертую Гражданского кодекса знаете?

Мопс закашлялся, вошел вместе с хозяйкой в лифт и уехал.

Жанна еще раз нажала на звонок.

Из-за двери донеслась мелодичная трель, на которую по-прежнему никто не отозвался.

– Вот паразит, – прошипела Жанна, обращаясь непонятно к кому.

Для порядка она пнула дверь.

Та приоткрылась.

– Это еще что за новости? – Жанна заглянула в образовавшуюся щель.

Профессиональная осторожность дипломированного юриста требовала немедленно покинуть помещение и убраться восвояси. Но кавказский темперамент, вчерашняя обида и сугубо женское любопытство толкали вперед.

Она проскользнула в прихожую и медленно двинулась в глубину квартиры.

Квартира была немаленькой. Внушительных размеров холл, плитка под старину, бронзовые светильники на стенах – все говорило о солидных доходах и немалых возможностях хозяина. Да, обитатели таких квартир не уходят, оставив дверь открытой.

– Эй, кто здесь есть? – негромко позвала Жанна.

Теперь она испытывала уже некоторое беспокойство и готова была повернуть обратно, как вдруг за полукруглой аркой увидела мужскую ногу в клетчатой тапочке.

«Все ясно, – подумала она и продолжила движение вперед. – Господин Цыплаков задремал за газетой и не запер дверь. Да, я позабочусь, чтобы его пробуждение не было приятным!»

Она прибавила шаг, приводя себя в боевое настроение, и прошла через арку в просторную кухню.

От клетчатых тапочек взгляд поднялся к вельветовым домашним брюкам и дальше к рыхловатому крупному телу, втиснутому в бежевый свитер... Жанна зажала рот, чтобы не закричать. И это при том, что она была женщина бывалая, выдававшая виды и спокойно принимавшая уродливые гримасы действительности.

Хозяин квартиры полусидел в легком металлическом кресле в стиле хай-тек. И все бы ничего, если бы на голову ему не был туго натянут полиэтиленовый пакет. Сквозь тонкую прозрачную пленку вполне можно было разглядеть лицо несчастного Владимира Васильевича. Должно быть, он тоже какое-то время мог смотреть сквозь нее. Но воздух через эту пленку не проходил, что и привело к преждевременной кончине господина Цыплакова, случившейся, судя по всему, совсем недавно.

– Господи, – пробормотала Жанна и попятилась, – что же это такое? Зачем я сюда зашла?

Вопрос был бесполезный. Можно сказать, риторический.

Ответа на него не было.

Единственное, что она знала совершенно точно, – это то, что оказалась не в то время не в том месте. Да еще, пожалуй, что полусидящий перед ней мертвый человек – это именно тот, кого она видела накануне в «Мальтийском соколе». Тот самый, чья машина загрозила ей дорогу.

Жанна отступила еще немного, и вдруг раздался оглушительный грохот. Она втянула голову в плечи, ожидая, что сейчас кто-то неизвестный набросится на нее и сделает то самое, что сделал с Цыплаковым. Или даже еще более ужасное.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.